

БОЛЬШОЙ
РОМАН

Книги
САРЫ УОТЕРС,
выпущенные
Издательской Группой
«Азбука-Аттикус»

Тонкая работа
Маленький незнакомец
Дорогие гости

У С О Т Е Р А С

Дорогие
Гости

Издательство «Иностранка»
МОСКВА

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44
У 65

Sarah Waters
THE PAYING GUESTS
Copyright © 2014 by Sarah Waters
All rights reserved

Перевод с английского Марии Куренной

Оформление обложки Виктории Манацковой

Издание подготовлено при участии издательства «Азбука».

ISBN 978-5-389-13141-5

© М. Куренная, перевод, 2018
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2018
Издательство ИНОСТРАНКА®

*Посвящается Джудит Мюррей,
с любовью и благодарностью*

ЧАСТЬ I

Барберы обещали приехать к трем.

«Маемся, как перед дальней дорогой», — подумала Фрэнсис. С самого утра они с матерью ежеминутно поглядывали на часы, ничего не могли с собой поделаться. В половине третьего она в смутной тоске обошла дом, точно в последний раз. После этого нервное напряжение сначала возросло, потом сменилось апатией, и сейчас, в пять без малого, Фрэнсис снова прислушивалась к эху собственных шагов, не испытывая ни малейшей любви к скупо обставленным комнатам и страстно желая лишь одного: чтобы чета Барберов поскорее прибыла, вселилась — и дело с концом.

Она остановилась у окна самой большой комнаты, до недавних пор служившей материнской спальней, а теперь переделанной в гостиную для Барберов, и задумчиво уставилась на улицу. Вечер был солнечный, но пыльный. Порывы ветра взметывали клубы пыли с мостовой и тротуаров. Особняки напротив выглядели по-воскресному пустыми — впрочем, как и в любой другой день недели. Прямо за углом находился большой отель, и время от времени по улице проезжали автомобили и таксомоторы, направлявшиеся туда или оттуда. Изредка мимо неспешным прогулочным шагом проходили люди. Но в целом Чемпион-Хилл казался тихим и сонным. Огромные сады, густые деревья. «Даже и не подумаешь, — мелькнуло у Фрэнсис в уме, — что грязный Камберуэлл совсем рядом. Даже и не

представить, что всего в миле-другой к северу отсюда — Лондон, жизнь, блеск и все такое».

Услышав шум мотора, она повернула голову. К дому приближался торговый автофургон. Неужели они? Да нет, быть не может. Фрэнсис ожидала, что они прибудут на грузовой подводе, ну или даже пешком, — но да, фургон, резко скрежеща тормозами, останавливался у обочины тротуара, и теперь она различала лица в кабине, чуть наклоненные вперед и пристально смотрящие на нее: водитель, мистер Барбер — и миссис Барбер между ними. Чувствуя себя как в ловушке, в окне у них на виду, Фрэнсис приветственно подняла руку и улыбнулась.

«Так вот, значит, как, — сказала себе она, продолжая улыбаться. — На самом деле похоже не на начало путешествия, а на самый конец долгого пути, когда не хочется выходить из поезда». Она отошла от окна и, спустившись в холл, по возможности веселее крикнула в гостиную:

— Мам, они приехали!

Ко времени, когда Фрэнсис открыла входную дверь и вышла на крыльцо, Барберы уже выгружали вещи из фургона. Им помогал водитель, молодой парень в почти таком же, как у мистера Барбера, спортивном пиджаке с полосатым галстуком, такой же узколицый и с такими же свободно растрепанными волосами — Фрэнсис не сразу и поняла, кто из них двоих мистер Барбер. Прежде она видела чету Барберов всего один раз, почти две недели назад, дождливым апрельским вечером. Муж тогда приехал прямо со службы, в макинтоше и котелке.

Но теперь она вспомнила эти рыжеватые усы и темно-золотистые волосы. У водителя волосы посветлее. Жена, тогда одетая строго и довольно безлико, сейчас была в юбке с бахромой, на добрых шесть дюймов выше щиколоток, и малиновом свитере — длинном и просторном, под которым тем не менее ясно угадывались все изгибы тела. Как и мужчины, она была с непокрытой головой. Коротко стриженные темные волосы вольно вились у щек, но плотно облепали затылок подобием черной шапочки.

И какими же юными все они казались! Мужчины выглядели ну просто мальчишками, хотя при первой встрече Фрэнсис решила, что мистеру Барберу лет двадцать шесть—двадцать семь, то есть как ей примерно, а миссис Барбер где-то двадцать три. Но сейчас она усомнилась. Шагая по вымощенной дорожке через палисадник, она услышала возбужденные, несдержанные голоса. Молодые люди вытащили из фургона дорожный сундук и кое-как опустили наземь, при этом мистеру Барберу, похоже, придавило пальцы. «Вот только смеяться не надо!» — комически-жалостно возопил он, обращаясь к жене, и Фрэнсис вспомнил показательно-изысканный тон, каким они с ней разговаривали в прошлую встречу.

Миссис Барбер взяла его руку:

— Дай-ка посмотрю... Да ну, ничего страшного.

Он вырвал руку:

— Это *пока* ничего страшного. А ты погоди маленько. Ой, больно-то как!

Водитель потер нос:

— Эй, вы там... это...

Он заметил Фрэнсис у садовой калитки.

Барберы обернулись и поздоровались сквозь смех — и она отчего-то тоже рассмеялась, хотя и несколько неловко.

— Ну вот и вы, — сказала она, выходя к ним на тротуар.

— Ага, вот и мы, — откликнулся мистер Барбер, все еще хихикая. — Уже портим репутацию вашей улицы, как видите.

— О, мы с матерью только этим и занимаемся!

— Извините за опоздание, мисс Рэй, — заговорила миссис Барбер, более серьезно. — Время ведь летит — не замечаешь. Надеюсь, мы не заставили вас ждать? Можно подумать, мы добирались из Джон-о'Гротс¹ или откуда-нибудь вроде.

¹ *Джон-о'Гротс* — деревня, расположенная на самой северной оконечности Шотландии. (Здесь и далее — примеч. перев.)

Они приехали из Пекхам-Рая, что находился милях в двух отсюда.

— Самый короткий путь — иногда самый долгий, верно? — сказала Фрэнсис.

— А в случае с Лилианой — всегда, — кивнул мистер Барбер. — Мы с мистером Уисмутом уже в час были готовы выехать. Это мой друг Чарльз Уисмут, который любезно разрешил нам воспользоваться для переезда фургоном своего отца.

— Да ничего подобного! — возмутилась миссис Барбер, в то время как мистер Уисмут с улыбкой шагнул вперед и пожал Фрэнсис руку. — Не были они готовы, мисс Рэй, честное слово!

— Были-были! Сидели ждали, пока ты там возилась со своими шляпками.

— Так или иначе, теперь вы здесь.

Вероятно, голос Фрэнсис прозвучал суховато. Трое молодых людей заметно смутились, и мистер Барбер, коротко взглянув на свои ушибленные костяшки, вернулся к задней дверце фургона. Поверх его плеча Фрэнсис мельком увидела, что там внутри: куча битком набитых чемоданов, беспорядочная груда столов и стульев, бесчисленные тюки с постельным бельем и коврами, патефон, плетеная птичья клетка, псевдобронзовая напольная пепельница на псевдо-мраморной подставке... При мысли, что все эти вещи сейчас перетащат в ее дом и что чета Барберов — которые оказались не совсем такими, как она помнила, а моложе и нахальнее — разместит их там по своему усмотрению и беспардонно совет среди них свое гнездо... при одной этой мысли Фрэнсис испытала приступ паники. Господи, да что же она натворила? У нее внезапно возникло ощущение, будто она впускает в свой дом грабителей и захватчиков.

Но если она хочет сохранить дом, ничего другого просто не остается. С решительной улыбкой Фрэнсис подошла к фургону, намереваясь помочь с разгрузкой.

Мужчины не позволили.

— Не беспокойтесь, мисс Рэй. Правда не беспокойтесь, — сказала миссис Барбер. — Лен и Чарльз сами справятся. Здесь вещей-то всего ничего.

Похлопывая пальцами по губам, она задумчиво обвела взглядом тюки, чемоданы и предметы мебели, постепенно скапливающиеся вокруг нее на тротуаре.

Теперь Фрэнсис вспомнила эти губы — вывернутые наружу, как она для себя сформулировала. В отличие от прошлого раза, сегодня они подведены помадой, и брови у миссис Барбер выщипаны в ниточку по последней моде. Эти стильные штрихи образа, наряду со всем прочим, заставили Фрэнсис почувствовать неловкость, заставили осознать, что она выглядит настоящей старой девой со своими заколотыми в пучок волосами, со своей угловатой худобой, в своей старомодной блузке, заправленной в юбку с высоким поясом, как носили во время войны, которая закончилась уже четыре года назад. Увидев, как миссис Барбер берет поддон с комнатными растениями и одновременно неуклюже пытается подцепить на запястье ротанговый портплед, она воскликнула:

- Позвольте мне взять сумку, по крайней мере!
- Ах, не стоит, право слово!
- Нет, я все-таки должна взять хоть что-нибудь!

Наконец, когда мистер Уисмут в очередной раз высунулся из фургона, она выхватила у него из рук кошмарную напольную пепельницу и пошла с ней через сад, чтобы настежь открыть дверь дома. Миссис Барбер, осторожно ступая, поднялась вслед за ней на крыльцо.

У самого порога, однако, она нерешительно остановилась и заглянула в холл поверх своих папоротников:

- Очень мило! В точности как я помню!
- Фрэнсис резко обернулась:
- Правда?

Сама она видела здесь сплошной обман: повсюду потертости, царапины и дыры, кое-как покрашенные, замазанные или залатанные; зияющая брешь на месте высоких

стоячих часов, которые пришлось продать полгода назад; отполированный до блеска обеденный гонг, в который уже давным-давно не звонили.

Миссис Барбер все еще топталась на крыльце, не осмеливаясь войти.

— Ну же, входите, — пригласила Фрэнсис. — Теперь это и ваш дом тоже.

Миссис Барбер приподняла плечи, закусила губу и вскинула брови, всем своим видом выражая восторг. И осторожно вступила в холл, где сразу попала каблуком на шаткую плитку черно-белого пола и смущенно хихикнула:

— Ой, мамочки!

Из двери гостиной тотчас появилась мать Фрэнсис. Вероятно, она давно уже стояла за ней, настраиваясь на подбаивающий радостный лад.

— Добро пожаловать, миссис Барбер! — Она с лучезарной улыбкой двинулась навстречу. — Ах, какой чудесный папоротник! Кроличья лапка, да?

Миссис Барбер произвела некоторые маневры с подносом и портпледом, чтобы протянуть руку для пожатия.

— Честно сказать, понятия не имею.

— Она самая, наверняка. Кроличья лапка, это ж прелесть какая! Надеюсь, вы до нас добрались без проблем?

— Да, но извините, что мы так опоздали.

— Ничего страшного. Комнаты никуда не убегут. Надо напоить вас чаем!

— О, не стоит беспокоиться.

— Но вы непременно должны выпить чаю. Когда переезжаешь на новое место, всегда первым делом хочешь выпить чаю — и никогда не находишь чайника. Сейчас я все приготовлю, а моя дочь тем временем проводит вас наверх. — Она с сомнением посмотрела на громоздкую пепельницу. — Ты ведь сможешь нашим гостям, да, Фрэнсис?

— Не стоять же в стороне, когда миссис Барбер вон как нагружена.

— О, вы вовсе не обязаны нам помогать, — сказала миссис Барбер и, снова хихикнув, добавила: — Мы и не считываем.

«Какой у нее смех...» — подумала Фрэнсис, поднимаясь по лестнице впереди постоялицы.

Они остановились на широкой лестничной площадке. Дверь слева была закрыта — она вела в спальню Фрэнсис, единственную верхнюю комнату, остававшуюся в их с матерью распоряжении, — а две другие двери были распахнуты, и предвечернее солнце, густо-желтое, как яичный желток, лило в фасадные комнаты лучи, почти достигавшие лестницы. Яркий свет беспощадно обнажал прорехи в коврах, но заставлял сверкать паркет эпохи Регентства, который Фрэнсис, выбиваясь из сил, натирала по утрам несколько последних дней, доводя до темно-шоколадного блеска. Миссис Барбер не пожелала идти по паркету на каблуках.

— Ничего страшного, — сказала Фрэнсис. — Он все равно скоро потускнеет.

— Нет, не хочу поцарапать, — твердо ответила миссис Барбер и, поставив на пол поддон с растениями и сумку, сняла туфли.

Она оставляла на мастике маленькие влажные следы. На ней были темные чулки с черными пяткой и носком, где уплотненный шелк имел вид причудливых рубчатых вставок. Фрэнсис держалась позади и наблюдала, как миссис Барбер вошла в большую из комнат, оглядываясь вокруг столь же внимательно и восхищенно, как недавно в холле, и улыбаясь каждой старинной детали обстановки.

— Какая чудесная комната. Она даже больше, чем мне показалось в прошлый раз. Мы с Леном здесь просто потеемся. Когда мы жили у его родителей, своя у нас была только спальня. И их дом... ну совсем не похож на ваш. — Она подошла к окну слева (тому самому, у которого стояла Фрэнсис десять минут назад) и приставила ладонь козырь-

ком ко лбу. — Надо же, какое солнце! Когда мы приезжали сюда в прошлый раз, было пасмурно.

Фрэнсис наконец приблизилась к ней:

— Да, это самая солнечная комната. Боюсь, вид отсюда так себе, хотя мы почти на самой вершине холма.

— О, все же кое-что видно там, между домами!

— Между домами — да, пожалуй. А если вы посмотрите на юг — вон туда, — показала она пальцем, — то при старании различите башни Хрустального дворца¹. Только нужно придвинуться поближе к окну... Видите?

Несколько мгновений они стояли голова к голове. Лицо миссис Барбер было всего в дюйме от стекла, чуть запотевшего от дыхания. Глаза с черными ресницами поискали вдали башни — и быстро нашли.

— Ой, да! — восторженно воскликнула она.

Затем миссис Барбер отодвинулась от окна и перевела взгляд на мужчин у фургона. Тон у нее переменялся на снисходительный.

— Вы только посмотрите на Лена! Опять чем-то недоволен! Вот же слабак!

Она постучала по стеклу и прокричала, энергично жестикулируя:

— Пусть Чарли возьмет это! Иди сюда, посмотри, какое солнце! *Солнце!* Видишь, нет? *Со-о-лице!* — Она уронила руки. — Не слышит. Ну и ладно. До чего же забавно, однако, выглядят отсюда наши вещи, выставленные вот так, на тротуаре. Убожество какое-то! Блошиный рынок, да и только. Что подумают ваши соседи, мисс Рэй!

Действительно — что? Фрэнсис уже заметила в доме напротив востроглазую миссис Доусон, которая старательно делала вид, будто возится с оконным шпингалетом. А теперь еще мистер Лэмб с соседней Хай-Крофт-стрит, прохо-

¹ *Хрустальный дворец* — выставочный павильон, построенный в Гайд-парке к Всемирной выставке 1851 г., а впоследствии разобранный и перенесенный в лондонское предместье Сиднем-Хилл.

дя мимо, остановился и с любопытством уставился на набитые чемоданы, обшарпанные жестяные сундучки, сумки, корзины и скатанные ковры, которые мистер Барбер и мистер Уисмут для удобства складывали на низкую кирпичную ограду сада.

Она увидела, как двое мужчин приветственно кивнули мистеру Лэмбу, и расслышала их голоса:

— Здравствуйте!

— Добрый вечер!

Пожилой джентльмен немного смешался, не в силах определить общественный статус молодых людей — вероятно, сбитый с толку полосатыми «клубными» галстуками.

— Надо бы выйти помочь, — сказала Фрэнсис.

— Да, сейчас спущусь к ним! — живо отозвалась миссис Барбер.

Однако, покинув большую комнату, она забрела в соседнюю спальню, а оттуда прошла в последнюю комнату — маленькую заднюю, расположенную через площадку напротив спальни Фрэнсис. Фрэнсис с матерью по-прежнему называли ее «комнатой Нелли и Мейбел», хотя у них не было ни Нелли, ни Мейбел, ни других домашних слуг с тех пор, как в 1916 году всех их переманили военные заводы. Комнату переоборудовали в кухню — с буфетом, раковиной, газовым освещением, газовой плитой и счетчиком-автоматом. Фрэнсис самолично покрыла лаком обои и покрасила пол морилкой, решив не воцить. Буфет и стол с алюминиевой столешницей она перетащила наверх из судомайни, пока матери не было дома.

Фрэнсис постаралась устроить все в лучшем виде. Но сейчас, глядя на миссис Барбер, вступающую во владение комнатами, мысленно расставляющую в них свои вещи, она вдруг почувствовала себя лишней — словно превратилась в собственный призрак.

— Ну, если я вам больше не нужна, — неловко проговорила она, — пойду посмотрю, как там ваш чай. Если что-нибудь понадобится, я буду внизу. Вам лучше обращаться

ко мне, а не к моей матери, и... Ах да! — Она остановилась и запустила руку в карман. — Вот, возьмите, пока я не забыла.

Фрэнсис достала ключи от дома — два комплекта, каждый на своем шнурке. Ей потребовалось известное усилие, чтобы отдать их, вложить в ладонь этой молодой женщины, почти девочки, совершенно незнакомой, которую она призвала в свою жизнь, поместив объявление в «Саут-Лондон-пресс». Миссис Барбер приняла ключи с величайшей серьезностью, наклоном головы показав, что понимает важность момента. С неожиданной деликатностью она сказала:

— Спасибо, мисс Рэй. Спасибо, что так замечательно все обустроили. Уверена, мы с Леонардом будем здесь счастливы. Нимало не сомневаюсь. Разумеется, у меня тоже есть кое-что для вас, — добавила она, убирая ключи в портплед и вынимая оттуда измятый коричневый конверт.

Плата за две недели. Пятьдесят восемь шиллингов. Фрэнсис услышала хруст банкнот и позвякивание монет. Постаравшись придать лицу деловое выражение, она взяла у миссис Барбер конверт и небрежно сунула в карман — как будто, подумалось ей, кто-нибудь поверит, что деньги для нее пустая формальность, а не самая суть, постыдная подоплека всего дела.

Внизу мужчины, пыхтя, тащили через холл ножную швейную машину. Фрэнсис проскользнула мимо них в гостиную, чтобы одним глазком взглянуть на деньги. Она распечатала конверт — да, вот они! Самые что ни на есть настоящие, *ее* собственные! Ей захотелось поднести купюры к губам и поцеловать. Она сунула конверт обратно в карман и едва ли не вприпрыжку бросилась через холл и по коридору в кухню.

Мать как раз снимала с плиты чайник, со слегка растерянным и встревоженным видом, какой всегда принимала, оставаясь на кухне одна. Она походила на пассажира тонущего лайнера, которого втолкнули в машинное отделение и велели встать к приборам. Она передала чайник в более

твердые руки Фрэнсис, а сама стала доставать чайную посуду, молочник, сахарницу. Поставила на поднос три чашки с блюдцами для Барберов и мистера Уисмута, затем взяла еще два блюдца и заколебалась.

— Как думаешь, нам выпить чаю с ними? — шепотом спросила она.

Фрэнсис тоже на миг заколебалась. А как вообще принято?

Ай, не все ли равно? Деньги-то уже у них. Она выхватила у матери блюдца:

— Нет, давай даже начинать не будем. Стоит начать — так и потянется. Мы сядем в гостиной, а они пускай пьют наверху. Я подам им печенья к чаю.

Фрэнсис открыла жестяную банку, запустила туда руку — и снова засомневалась. А так ли уж необходимо печенье? Она положила на тарелку три штуки, поставила тарелку на поднос рядом с чайником, потом передумала и убрала.

Но тут же вспомнила, как милая миссис Барбер сняла туфли, чтобы не поцарапать натертый паркет, вспомнила необычные рубчатые пятки ее шелковых чулков — и вернула тарелку с печеньями на поднос.

Мужчины еще с полчаса ходили вверх-вниз по лестнице, потом какое-то время было слышно, как наверху передвигают ящики и коробки, переставляют мебель, весело переключаются из разных комнат. Один раз вдруг загремел патефон, и Фрэнсис с матерью в ужасе переглянулись.

Но в шесть мистер Уисмут ушел, предварительно постучавшись в гостиную и вежливо попрощавшись, и в доме стало тише.

Однако дом определенно был уже не тот, что два часа назад. Фрэнсис с матерью уселись с книгами у французских окон, собираясь с толком использовать остатки дневного света: в последние годы они привыкли на всем экономить по мелочам. Но прямо над гостиной — красивой длин-

ной комнатой, разделенной двойными дверями, которые весной и летом оставляли открытыми, — находились спальня и кухня Барберов, и Фрэнсис, переворачивая страницы, постоянно думала о паре наверху, чье чужеродное присутствие ощущалось, как соринка в глазу. Какое-то время оба сновали взад-вперед по спальне, со стуком открывая и закрывая выдвижные ящики. А вот кто-то из них вошел в кухню, остановился, и после продолжительной паузы раздался странный резкий звук, похожий на глоток железного механического чудовища. Один глоток, второй, третий, четвертый... Фрэнсис недоуменно уставилась в потолок и лишь через несколько секунд сообразила, что там просто кидают шиллинги в счетчик. Чуть погодя пустили воду из крана, а затем послышался другой странный шум, вроде глухой пульсации или частого пыхтения, — вероятно, заработал счетчик, когда по трубе пошел газ. Должно быть, миссис Барбер поставила кипятиться чайник. Теперь к ней присоединился муж. Сверху донеслись веселые голоса, смех... Фрэнсис поймала себя на мысли, что гости явно чувствуют себя как дома.

Потом осознала весь смысл этих слов, и сердце у нее защемило.

Пока она собирала в кухне холодный воскресный ужин, Барберы спустились и постучались в дверь, сначала жена, потом муж: туалет располагался на заднем дворе, и чтобы туда попасть, нужно было проходить через кухню. Оба состроили извиняющуюся мину; Фрэнсис тоже извинилась перед обоими. Она думала, что такое положение дел доставит квартирантам не меньше неудобства, чем ей самой, но теперь засомневалась. Даже пятьдесят восемь шиллингов у нее в кармане начали утрачивать свою магическую силу: до Фрэнсис постепенно стало доходить, насколько трудно будет отработать полученные деньги. Она даже не предполагала, до чего странно и неприятно будет слышать и видеть, как молодые супруги по-хозяйски расхаживают по дому. Когда мистер Барбер, вернувшись со двора, направил-

ся обратно в верхние комнаты, Фрэнсис услышала, что в холле он остановился. Гадая, что же его там задержало, она отважилась выглянуть в коридор. Молодой человек разглядывал картины на стенах, словно посетитель художественной галереи. Подавшись вперед, чтобы получше рассмотреть гравюру с изображением Рипонского собора, он выудил из кармана спичку и принялся лениво ковыряться в зубах.

С матерью Фрэнсис своими чувствами не поделилась. Придерживаясь обычного вечернего распорядка, они спокойно поужинали вдвоем, сыграли пару партий в нарды, без четверти десять выпили по чашке слабого какао, а потом занялись рутинными делами, которыми всегда завершали день: навели порядок в гостиной, прикрутили газовые рожки, взбили диванные подушки, заперли окна.

Мать первой пожелала доброй ночи и ушла к себе. Фрэнсис задержалась в кухне, чтобы убрать и вычистить печь. Она сходила в туалет, накрыла стол к завтраку, вынесла в палисадник молочный бидон и повесила рядом с калиткой. А когда вернулась в дом и стала прикручивать газовую лампу в холле — заметила свет под дверью материной спальни. Вообще-то, Фрэнсис не имела обыкновения заглядывать туда после того, как мать уходила спать, но сегодня эта полоска света словно поманила. Фрэнсис приблизилась к двери и постучала:

— Можно?

Мать сидела в кровати. Волосы, прежде заколотые в пучок, она распустила и заплела в тощие косицы, похожие на измочаленные веревки. До войны волосы у нее были каштановые, рыжевато-каштановые, как у Фрэнсис, но за последние несколько лет поседели, поредели, стали жесткими и ломкими. Сейчас, в свои пятьдесят пять, она была совсем седая, как старуха; темными оставались только брови, резко очерченные над красивыми карими глазами. На коленях у нее лежала книжонка из разряда вагонной маку-

латуры, «Ребусы и головоломки», и она подбирала слова в акrostих.

Когда Фрэнсис вошла, мать внимательно посмотрела на нее поверх очков для чтения:

— Случилось чего, Фрэнсис?

— Нет. Просто решила заглянуть. Разгадывай дальше свою головоломку.

— Да это пустяки, вместо снотворного.

Однако затем она снова сосредоточенно усталилась в страницу и, похоже, нашла наконец нужное слово: проверяла, подходит ли оно, водя по буквам карандашом и шевеля губами. Свободная половина кровати была плоской, как гладильная доска. Фрэнсис скинула тапочки, забралась в кровать и легла на спину, руки за голову.

Еще месяц назад эта комната служила столовой. Фрэнсис покрасила старые красные обои и перевесила картины, но, как и в случае с новой кухней наверху, результат получился не ахти. Немногочисленные предметы мебели из бывшей материнской спальни стояли как-то неловко, точно непрошеные гости, явно тоскуя по своим родным вмятинам в полу верхней комнаты. Часть столовой мебели пришлось оставить здесь же, за неимением другого места, и душная теснота обстановки отдавала старостью и немного, самую малость, — больничной палатой. Подобные комнаты Фрэнсис видела в детстве, когда навещала хворых двоюродных бабушек. «Не хватает только запаха ночного горшка, — подумала она, — да прикроватного колокольчика, чтобы вызывать усатую великовозрастную дочь, так и оставшуюся в старых девах».

Она поспешно прогнала образ, возникший перед глазами. Наверху кто-то из Барберов прошел через гостиную — мистер Барбер, судя по тяжести и частоте шагов; миссис Барбер ступает легче и ходит медленнее. Фрэнсис провела взглядом по потолку, следуя за звуком.

Мать тоже посмотрела вверх.

— День больших перемен, — вздохнула она. — Они что, еще не все вещи распаковали? Взволнованы, наверное, страшно. Мы с твоим отцом были в таком же состоянии, когда только въехали сюда. Мне кажется, дом им понравился — ты как думаешь? — Она понизила голос. — Он ведь просто нечто, правда?

Фрэнсис ответила таким же приглушенным тоном:

— Во всяком случае, *ей* понравился. У нее такой вид, будто она не верит своему счастью. А вот насчет него я не уверена.

— Ну, это чудесный старый дом. И собственное жилье, что немаловажно для молодоженов.

— Так Барберы вроде не молодожены. Разве они не говорили, что женаты уже три года? Поженились сразу после войны, насколько я поняла. Но детей нет.

— Нет, — повторила мать с ноткой осуждения, а потом, перейдя к следующей мысли, добавила: — Жаль, что в наше время все молодые женщины считают нужным малеваться.

Фрэнсис развернула к себе книжку и принялась изучать акrostих, чувствуя строгий взгляд матери.

— И не говори. Даже по воскресеньям!

— Не воображай, будто я не понимаю, когда ты надо мной подшучиваешь, Фрэнсис.

Наверху рассмеялась миссис Барбер. Какой-то легкий предмет, уроненный или брошенный, со стуком упал и покатился по полу. Фрэнсис оставила попытки решить головоломку.

— Как по-твоему, из каких она?

Мать закрыла книжку и положила на тумбочку.

— Кто?

Фрэнсис показала подбородком на потолок:

— Миссис Би. Мне думается, отец у нее руководитель филиала какой-нибудь фирмы. Мать из довольно «приличной» семьи. «Индийская любовная песня» на патефоне, — возможно, брат успешно служит в торговом флоте.

Уроки фортепиано для девочек. Походы в Королевскую академию раз в год. — Она широко зевнула и, прикрыв рот тыльной стороной ладони, продолжила сквозь зевок: — В том, что наши постояльцы так молоды, есть один несомненный плюс: они могут нас сравнивать только с родителями мистера Барбера. Им невдомек, что мы понятия не имеем, как себя вести с ними. Покуда мы будем разыгрывать роль домовладелиц достаточно усердно, мы для них таковыми и останемся.

Мать страдальчески поморщилась:

— Ох, ну зачем называть все своими именами? Ты прямо как миссис Сивью из Уортинга.

— В наше время быть домовладелицей не зазорно. Лично я намерена наслаждаться своим статусом домовладелицы.

— Да хватит уже повторять это слово!

Фрэнсис улыбнулась. Но мать сидела с совершенно уже несчастным выражением лица, теребя шелковую кайму одеяла. Еще чуть-чуть, поняла Фрэнсис, и она скажет: «Ах, это разбило бы сердце твоего отца!» А поскольку даже сейчас, почти четыре года спустя после его смерти, при одной мысли о нем у Фрэнсис неизменно возникало желание заскрежетать зубами, выругаться, вскочить и грохнуть что-нибудь об пол, она поспешно перевела разговор на другую тему. Мать входила в правление местной благотворительной организации, и Фрэнсис спросила, чем там сейчас занимаются. Они немного поговорили о предстоящей ярмарке.

Когда лицо матери прояснилось, став просто усталым лицом пожилой женщины, Фрэнсис поднялась с кровати:

— Тебе принести чего-нибудь? Может, печенья пожевать перед сном?

Мать начала устраиваться в постели:

— Нет, не хочю печенья. Потуши свет, пожалуйста.

Она откинула косицы с плеч и поудобнее положила голову на подушку. На переносице у нее остались вмятины

Содержание

ЧАСТЬ I	7
ЧАСТЬ II	245
ЧАСТЬ III	389
От автора	636
Благодарности	637

Уотерс С.

У 65 Дорогие гости : роман / Сара Уотерс ; пер. с англ. М. Куренной. — М. : Иностранка, Азбука-Аттикус, 2018. — 640 с. — (Большой роман).

ISBN 978-5-389-13141-5

Сара Уотерс — современный классик, «автор настолько блестящий, что читатели готовы верить каждому ее слову» (*Daily Mail*). О данном романе газета *Financial Times* писала: «Своими предыдущими книгами, три из которых попадали в Букеровский шорт-лист, Сара Уотерс поставила планку качества очень высоко. И даже на таком фоне „Дорогие гости“ — это апофеоз ее таланта». Итак, познакомьтесь с Фрэнсис Рэй и ее матерью. В Лондоне, еще не оправившемся от Великой войны, они остались совершенно одни в большом ветшающем доме: отца и братьев нет в живых, держать прислугу не позволяют средства. Отчаявшись, Фрэнсис и миссис Рэй сдают полдома совершенно незнакомым людям — молодым супругам Барбер, Леонарду и Лилиане, из «класса клерков». И вся жизнь семейства Рэй меняется, но совершенно не так, как они рассчитывали. «Это книга о старом капризном бойлере, фарфоровых чашках и прогнивших половицах. Это книга о любви и страсти, потрясающей до основания и сводящей с ума. И еще это настоящий детектив, с трупом, полицией и нагнетанием атмосферы в духе Достоевского» (*Fem_books*).

Впервые на русском.

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Литературно-художественное издание

САРА УОТЕРС
ДОРОГИЕ ГОСТИ

Редактор Александр Гузман
Художественный редактор Виктория Манацкова
Технический редактор Татьяна Тихомирова
Компьютерная верстка Ирины Варламовой
Корректоры Анастасия Келле-Пелле, Маргарита Ахметова

Подписано в печать 24.07.2018. Формат издания 60 × 90^{1/16}.
Печать офсетная. Тираж 6000 экз. Усл. печ. л. 40. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

18+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака «Издательство Иностранка»
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
04073, г. Киев, Московский пр., д. 6 (2-й этаж)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге: Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (812) 327-04-55, факс: (812) 327-01-60. E-mail: trade@azbooka.spb.ru

В Киеве: ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах на сайтах: www.azbooka.ru, www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей и творческого сотрудничества
размещена по адресу: www.azbooka.ru/new_authors/

Y-BRM-21289-01-R